

До этого первое место в высшем разряде неизменно доставалось либо Лю Фаню, либо Мэй Шэнцзэ. Хотя Тан Шэнь и выделялся выдающимся талантом, он был еще слишком молод; из-за юного возраста ему не доставало глубины познаний, так что высшей оценки он прежде не получал. Тем не менее, никто не сомневался в справедливости его успеха: все своими глазами видели, насколько хороши были его сочинения «багу».

Мэй Шэнцзэ поздравил его:

— Цзинцзэ, поздравляю! Твои познания снова продвинулись вперед.

В конце концов, Тан Шэнь еще не вступил на службу и не успел обзавестись толстой кожей, поэтому от таких слов невольно смутился.

В этот момент старый наставник произнес:

— На этот раз Тан Шэнь написал превосходное экзаменационное стихотворение. Подойдите все и оцените его.

С этими словами он громко зачитал стихи Тан Шэня. В зале снова раздался вздох изумления. Мэй Шэнцзэ, который сам мастерски слагал стихи и страстно их любил, услышав строку «рукой достать до звезд», посмотрел на Тан Шэня с таким удивлением, словно обнаружил редчайшее сокровище.

— Цзинцзэ, это шедевр! Написано просто потрясающе!

Тан Шэнь, чье лицо было столь чувствительным, что он едва не покраснел, сложил руки в приветствии и ответил:

— «Стихи рождаются на небесах, искусная рука лишь ловит их случайно». Это был лишь миг вдохновения, мне далеко до тебя, брат Шэнцзэ.

В Академии Гоцзыцзянь все утро обсуждали это стихотворение Тан Шэня, и только на следующий день ученики начали готовиться к посещению императором академии Пиюн, которое должно было состояться через полмесяца.

Тан Шэнь, как обычно, отправился в резиденцию министра. В этот раз он нес корзину с белым мясом из Гусу, которую несколько дней назад Тан Хуан передала с оказией из Цзяннаня. Как и следовало ожидать, Ван Чжэнь снова не оказалось дома. Тан Шэнь прождал его в гостинице до самой темноты. Ван Чжэнь вернулся в усадьбу и, даже не переодевшись из чиновничьего платья, сразу пришел повидаться с младшим соучеником.

Тан Шэнь тут же поднялся и поприветствовал его:

— Старший соученик Цзыфэн.

Ван Чжэнь посмотрел на него и через некоторое время предложил:

— Оужинай сегодня в моей резиденции.

— Хорошо.

После ужина Ван Чжэнь попросил Тан Шэня показать свой почерк:

— Напиши-ка мне ту строчку: «боясь встревожить небожителей».

Тан Шэнь:

— ...

«Добрые дела не выходят за порог, а дурные разносятся на тысячу ли» — древние воистину не лгали!

Уходя из резиденции министра, Тан Шэнь серьезно сказал:

— Старший соученик Цзыфэн, ты ведь знаешь, как я пишу экзаменационные стихи. Мне чудом удалось создать шедевр, и теперь я все эти дни беспокоюсь, что в следующий раз не смогу написать ничего подобного. Скажи, что мне делать?

В прошлой жизни Тан Шэнь был обычным студентом-технарем. Все заученные когда-то стихи и оды он благополучно «вернул» учителю словесности сразу после выпускных экзаменов. В его памяти осталось не так уж много поэтических строк. Он никогда не рассчитывал постоянно извлекать выгоду из чужого творчества в этой эпохе — у него не было для этого возможностей, да и желания тоже.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на Тан Шэня и с улыбкой спросил:

— Мой младший соученик обладает выдающимися талантами, о чем же тебе беспокоиться?

Тан Шэнь поднял глаза на Ван Чжэня.

Тонкие губы Ван Чжэня изогнулись в легкой улыбке, но он молча продолжал смотреть на него.

В этот миг Тан Шэня осенило.

И правда, в этом мире он опирался вовсе не на произведения древних поэтов. Его сочинения «багу» получили признание наставников Академии Гоцзыцзянь, Лян Суна, Фу Вэя и даже Ван Цзыфэна. За всю пятитысячелетнюю историю великого Китая родилось всего несколько поэтов-небожителей и святых поэзии. Тан Шэнь вовсе не был бездарен. Государственные экзамены служили для него лишь средством вхождения в чиновничью среду, но отнюдь не основой всей его жизни!

— Благодарю за совет, старший соученик Цзыфэн.

Ван Цзыфэн действительно оказался человеком проницательным и гибким, и, как говаривал Господин Лян, ему в какой-то мере можно было доверять.

Уяснив это для себя, Тан Шэнь развернулся, собираясь уходить, но Ван Чжэнь снова окликнул его и распорядился, обращаясь к управляющему:

— Принеси сладости, что сегодня купили в лавке Цайцичжай, и отдай моему младшему соученику.

Тан Шэнь:

— ...

Ван Цзыфэн оставался все тем же непостижимым Ван Цзыфэном!

Полмесяца пролетели незаметно. На шестнадцатый день шестого месяца Тан Шэнь облачился

дома в новое платье ученого-сиючая: надел длинный халат озерно-синего цвета и повязал квадратную шапку. Прибыв в Академию Гоцзыцзянь, он увидел, что все ученики надели новые парадные одежды. Пусть во Дворец Пиюн, чтобы послушать лекцию Сына Неба, допускались лишь тридцать два человека, остальные тоже не желали оставаться в стороне.

Подступы к Академии Гоцзыцзянь были перекрыты: всю улицу оцепили, запретив проход посторонним.

Тан Шэнь вместе с другими учениками вошел через задний переулок. Ректор Линь и остальные наставники уже давно ждали их.

Как только пробили час Мао, главные ворота Академии Гоцзыцзянь распахнулись настежь, одновременно открылись и боковые двери с обеих сторон. Из боковых врат нескончаемым, внушительным потоком хлынули чиновники в алых парадных одеяниях. Все сановники Шэнцзина четвертого ранга и выше с нефритовыми дощечками в руках шествовали по центральной дороге к площади перед Дворцом Пиюн.

Они разделились на две группы, встав по обе стороны вымощенной белым мрамором императорской дороги, где для них уже были разложены подушки для коленопреклонения.

Двери Дворца Пиюн распахнулись. Бледнолицый худощавый старый евнух тонким голосом пронзительно выкрикнул:

— На колени!

В то же мгновение все чиновники повернулись лицом к Дворцу Пиюн, опустились на колени на свои подушки и, слегка склонив головы, подняли перед собой нефритовые дощечки.

В три четверти часа Мао Ректор Линь повел тридцать два ученика через главные ворота, расположенные строго по центру. По обе стороны дороги на коленях стояли высшие сановники государства. Могли ли вчерашние школяры помыслить, что им доведется идти сквозь строй столь влиятельных мужей империи! Те, кто был потрусливее, побледнели от страха, их колени дрожали. Тан Шэнь тоже испытал глубокое потрясение, однако сумел совладать с чувствами и, опустив голову, молча последовал за Ректором Линем во Дворец Пиюн.

Перед самым входом Тан Шэнь заметил Ван Чжэня во втором ряду чиновников с левой стороны.

В ярких лучах утреннего солнца Ван Цзыфэн, облаченный в новый алый халат, с безмятежным и спокойным видом стоял на коленях. Слева от него находился бородатый мужчина средних лет, а справа — грузный, пузатый старик. Привлекательный от природы Ван Чжэнь на их фоне казался еще более благородным, изящным и величественным.

Ученики вошли во Дворец Пиюн. На холодном плиточном полу зала уже были разложены тридцать две подушки.

Ректор Линь прошел вперед и громко объявил:

— Верный слуга Вашего Величества, ректор Академии Гоцзыцзянь Линь Лунь, во главе тридцати двух учеников Сына Неба прибыл во Дворец Пиюн, дабы внять высочайшим наставлениям!

Едва смолк его голос, старый евнух провозгласил:

— На колени!

Ректор Линь тут же опустился на колени, а вслед за ним и тридцать два ученика один за другим повалились на пол, словно пельмени в кипяток. Подушки лежали в пять рядов: в первом и втором рядах — по три, в третьем — шесть, а в четвертом и пятом — по десять.

Тан Шэнь сложил руки перед собой и совершил глубокий поклон по обряду династии Чжоу.

Палило знойное солнце. Сотни чиновников стояли на коленях снаружи, а ученики — внутри Дворца Пиюн.

И внутри, и снаружи дворца царила абсолютная тишина. Никто не смел издать ни звука, казалось, замерло даже само дыхание.

Никто не знал, сколько длилось ожидание, пока из глубины зала не донеслись неторопливые, размеренные шаги. Тан Шэнь мгновенно выпрямил спину. В этот миг все ученики Академии Гоцзыцзянь во Дворце Пиюн замерли, боясь вздохнуть. Было слышно лишь, как человек медленно поднялся к императорскому трону и тихо опустился на него.

Тан Шэнь слышал старческий, но твердый голос Сына Неба:

— Начнем.

Старый евнух громко провозгласил:

— В шестнадцатый день шестого месяца двадцать шестого года правления под девизом Кайпин Сын Неба во Дворце Пиюн Академии Гоцзыцзянь начинает высочайшее чтение лекции!

Следом за ним два евнуха, стоявшие у дверей Дворца Пиюн, в один голос прокричали:

— В шестнадцатый день шестого месяца двадцать шестого года правления под девизом Кайпин Сын Неба во Дворце Пиюн Академии Гоцзыцзянь начинает высочайшее чтение лекции!

Затем отозвались еще четыре голоса:

— Двадцать шестого года правления под девизом Кайпин...

Этот клич волной покатился дальше, оглашая всю Академию Гоцзыцзянь, величественный, мощный и громогласный.

Во Дворце Пиюн говорил Сын Неба, а чиновники почтительно внимали.

Император произнес:

— Слышал я некогда реченное в «Мэн-цзы»: «Тот, кто силой подменяет человеколюбие, становится гегемоном, но для этого он обязательно должен обладать большим государством».

Старый евнух зычно повторил:

— Слышал я некогда реченное в «Мэн-цзы»: «Тот, кто силой подменяет человеколюбие, становится гегемоном, но для этого он обязательно должен обладать большим государством».

Два младших евнуха прокричали то же самое.

И так далее, по цепочке.

С часа Мао до часа У ученики простояли на коленях целых три шичэня. Снаружи перед дворцом высокопоставленные чиновники Шэнцзина также стояли на коленях все эти шесть часов. Под палящим солнцем и порывами ветра, утомленные зноем, они безмолвно держали перед собой нефритовые дощечки.

Когда Сын Неба произнес последнее слово и евнухи передали его по цепочке, старый евнух возгласил:

— Посещение императором академии Пиюн завершено, чиновники вняли слову государя.

Ныне правящий император Чжао Фу опустил ладони на подлокотники трона. Его волосы были подернуты сединой, но на лице почти не виднелось морщин — лишь у самых глаз залегла тонкая сеточка лучиков. Несмотря на то, что он перешагнул шестидесятилетний рубеж, взгляд Чжао Фу оставался острым и пронизательным, как у сокола. Он окинул взором стоящих внизу тридцать двух учеников Академии Гоцзыцзянь, а затем посмотрел сквозь них на распростертых за дверями гражданских и военных чинов — своих подданных.

Старый евнух протяжно выкрикнул:

— Ученикам приклонить слух, дабы принять государеву оценку!

Ученики Академии Гоцзыцзянь выпрямились, ожидая вердикта Сына Неба.

Они услышали, как Чжао Фу небрежно обронил всего одно слово:

— Достойно.

Ректор Линь облегченно выдохнул. Если бы не присутствие императора, перед которым он не смел вести себя неподобающе, он бы прямо сейчас рухнул на пол и проспал трое суток кряду, не открывая глаз!

На этом посещение императором академии Пиюн подошло к концу.

<http://bllate.org/book/18292/1754504>